

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ ВОРОНЕЖСКИХЪ ЕПАРХИАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ

ГОДЪ XXII.

№ 4

ФЕВРАЛЯ 15.

О значеніи храмовъ и обрядовъ въ дѣлѣ вѣры и жизни христіанской *).

(Продолженіе).

VI.

Можемъ ли мы представить такія свидѣтельства Св. Писанія, изъ которыхъ было бы видно, что отъ человѣка требуется извѣстная, такъ сказать, степень вѣры, какъ подъемъ и извѣстная высота его духа со стороны проникновенія религиозно — Божественною истинною, со стороны пламененія его сердца къ тѣснѣйшему единенію со Христомъ въ воспріятіи святыхъ таинствъ и съ ними пріятіи благодати Божіей — возрождающей, оправдывающей и освящающей, когда въ радованіи о Господѣ, при новомъ возрожденномъ состояніи (Дѣян. 8. 39), чешуя грѣховно — плотской жизни спадаетъ съ человѣка, и онъ, подобно Ап. Савлу, исполненный Святаго Духа, прозрѣваетъ (Дѣян. 9. 17 — 18) своими духовными очами для жизни вѣчной и своего спасенія. Предлагая этотъ вопросъ, мы не имѣемъ, повятно, въ виду той нелѣпой мысли, чтобы чисто духовное явленіе въ человѣкѣ — его вѣру низводить нѣкоторымъ обра-

*) См. № 2 Ворон. Епарх. Вѣдом.

зомъ на нѣчто, поддающееся измѣренію, избрѣсти какъ бы нѣкую мѣру вѣры, осязательно, наглядно и достоверно формулируемую: нѣтъ, званіе степени и высоты вѣры принадлежить не разсудочному анализу, а чистому и непосредственному вѣдѣнію, и при томъ вѣдѣнію не человѣческому, но Божественному. Для человѣка Апостольское ученіе: „вѣра въ дѣлахъ, вѣра отъ дѣлъ“ (Іак. 2. 18—19), «вѣра любовію поспѣшествуема» (Гал. 5. 6) есть единственное измѣреніе высоты и степени вѣры человѣка: „отъ плодовъ ихъ познаете ихъ“ (Мат. 7. 16), говорилъ Иисусъ Христосъ о лжепророкахъ, призывая людей къ оцѣнкѣ нравственности, чистоты и истинности ихъ ученія. При всемъ томъ однако мы имѣемъ положительное указаніе Св. Писанія, что благодать Божія, даруемая человѣку во Христѣ, требуетъ отъ человѣка извѣстнаго, вѣдомаго, конечно, въ цѣломъ своемъ одному Богу, дозрѣнія въ душѣ его вѣры, какъ нравственнаго подъема и духовной высоты человѣка для достойнаго принятія, въ качествѣ какъ бы правоспособнаго предъ Богомъ, Божественныхъ дарованій. Иисусъ Христосъ на вопросъ оставшихся у горы Преображенія учениковъ Своихъ: почему они не могли изгнать нечистаго духа изъ приведеннаго къ нимъ ѡсноватаго? отвѣчалъ: «по невѣрію вашему» (Мат. 17. 19—20). Спрашивается: о какомъ невѣрїи Своихъ учениковъ говорить здѣсь Спаситель? Во всякомъ случаѣ, конечно, не о томъ невѣрїи ихъ, что какъ будто бы теперь, стоя у горы Преображенія, они усумнились въ Божественномъ достоинствѣ своего Учителя—они которые всегда и неизмѣнно пребывали Ему вѣрными, которые на вопросъ своего Учителя: «не хотите ли и вы отойти?» когда другіе слѣдовавшіе за Иисусомъ, оставили Его, въ лицѣ Симона Петра отвѣчали Ему: «Господи! къ кому намъ идти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни» (Іоан. 6. 67. 68), и о которыхъ, наконецъ, Самъ Иисусъ Христосъ, въ первосвященнической Своей молитвѣ къ Отцу Небесному, свидѣтельствовалъ, что они при Немъ всегда были сохранены и соблюдены въ истинѣ Его

(Иоан. 17. 12); а говорить, слѣдовательно, о нездорѣвнн на сей разъ въ дупахъ Апостоловъ вѣры до проявленія чрезъ нее чудотворенія во имя Божіе. Впрочемъ на счетъ пониманія приведеннаго изреченія Іисуса Христа именно въ этомъ смыслѣ дальнѣйшія слова Спасителя, здѣсь же Имъ сказанныя, не оставляютъ никакого сомнѣнія: «ибо истинно говорю вамъ, продолжалъ Свою рѣчь Спаситель, если вы будете имѣть вѣру съ горничное зерно, и скажете горѣ сей: перейди отсюда туда, и она перейдетъ; и ничего не будетъ невозможнаго для васъ» (Мат. 17. 20). Значить въ приведенномъ отвѣтѣ Іисуса Христа несомнѣнною является та истина, что для чрезвычайнаго, чудеснаго проявленія силы Божіей на человѣкѣ, или чрезъ человѣка нужна извѣстная высота вѣры въ Бога—въ ея, такъ сказать, таинственно прикровенномъ восшествіи на степенъ чудотвореній во имя Божіе. И что такое восшествіе на высоту вѣры, будучи несомнѣнно даромъ Божиимъ (1 Кор. 12. 9), есть вмѣстѣ и достоинствіе человѣка, стяжаніе котораго требуетъ и постояннаго пребыванія въ немъ, на это мы имѣемъ слѣдующее свидѣтельство Св. Писанія: Ап. Петръ чудеснымъ образомъ шелъ по водѣ, „чтобы подойти къ Іисусу“, до тѣхъ поръ, пока испугавшись не усумнился, и Іисусъ Христосъ подержавъ его за руку, сказалъ ему: «маловѣрный! зачѣмъ ты усумнился?» (Мат. 14. 29—30). Слѣдовательно, сія чудодѣйствующая вѣра требуетъ не только своего восшествія на высоту, но и пребыванія на сей степени своей высоты, какъ личной уже заслуги человѣка предъ Богомъ и личного уже его стяжанія. Посему Іисусъ Христосъ, по случаю удивленія Апостоловъ, что проклятая Спасителемъ смоковница «тотъ часъ засохла», „сказалъ имъ въ отвѣтъ: если будете имѣть вѣру, и не усумнитесь; не только сдѣлаете то, что сдѣлано съ смоковницею, но если и горѣ сей скажете: поднимись, и свергнись въ море; будетъ“ (Мат. 21. 14. 21). «И все, чего ни попросите въ молитвѣ съ вѣрою, получите» (ib—22). Евангельская кровоточивая женщина, говорившая «сама въ себѣ: если толь-

ко прикоснусь къ одеждѣ Его—Исуса,—выздоровію» (Мат. 9. 21), представляетъ собою примѣръ той возвышенной вѣры, которая, по словамъ приснопамятнаго высокопр. Филарета, какъ бы „черпаетъ и, такъ сказать, похищаетъ Божественную силу“ (Сл. и рѣч. выс. Филар. из. тт. ч. I. стр. 119). Ибо «тотчасъ теченіе крови у ней остановилось», повѣтствуетъ Евангеліе о кровоточивой женщинѣ, когда она, „подойдя сзади, коснулась края одежды Его“ (Лук. 8. 44). Это знаменательнѣйшее чудо раскрываетъ предъ нами тайну чудотворенія чрезъ вѣру, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ, что Божественное дарованіе, почивающее на вѣрующемъ, есть не отвлеченное понятіе о дѣйствіи Божественнаго всемогущества, а дѣйствительная, для духовныхъ чувствъ опытная сила, нисходящая свыше и почивающая на достойно оную пріемлющихъ. Ибо, вызывая исцѣленную женщину обнаружить высокую свою вѣру предъ тѣснѣвшимся со всѣхъ сторонъ предъ Исусомъ Христомъ народомъ, Онъ спросилъ народъ, говоря: «кто прикоснулся ко Мнѣ?» и присовокупилъ: „прикоснулся ко Мнѣ никто; ибо Я чувствовалъ силу, испедшую изъ Меня“. Когда же «женщина, говорить Евангелистъ, видя, что она не утаилась, съ трепетомъ подошла, и падши предъ Нимъ, объявила Ему предъ всѣмъ народомъ, по какой причинѣ прикоснулась къ Нему, и какъ тотчасъ исцѣлила: Онъ сказалъ ей: дерзай, дочь! вѣра твоя спасла тебя!» (Лук. 8. 45. 48). Такимъ образомъ „вѣра, по замѣчанію одного изъ величайшихъ богослововъ русской Церкви, вышеупомянутаго митр. Филарета, есть соответственное орудіе спасительнаго ко Христу прикосновенія; ею прикасающійся и къ ризамъ Его достигаетъ даже до внутренности Его Божественнаго изволенія; она есть духовный магнитъ, привлекающій небесныя силы“ (Сл. и рѣч. мит. Филар. т. I. стр. 121). Эта возвышенная, превысиренная вѣра человека, «достигающая даже до внутренности Божественнаго исполненія Христова» ставитъ человека, выразився образно, какъ бы изъ океанъ всегда дѣйствующаго всемогущества Божія и

низводитъ Божественное дарованіе или на самаго вѣрующаго, или чрезъ него на другихъ: „ради вѣры во имя Его — Иисуса, — говорилъ Ап. Петръ народу объ исцѣленномъ имъ хромомъ, имя Его укрѣпило сего, котораго вы видите и знаете, и вѣра, которая отъ Него, даровала ему исцѣленіе сіе предъ всѣми вами“ (Дѣян. 3. 16—1... 8). Исцѣленіе хромаго по вѣрѣ его испѣлившаго Апостола (Дѣян. 3. 1. 8) не есть исключительный примѣръ въ Св. Писаніи вѣры, такъ сказать, заступающей предъ Богомъ, примѣръ почвтія Божественнаго дарованія на томъ или другомъ человѣкѣ въ силу сей заступающей вѣры третьяго лица: «пророкъ есть, и помолится о тебѣ, и живъ будешь», говорилъ Господь согрѣшившему предъ Нимъ Авимелеху, царю Герарскому объ Авраамѣ (Быт. 20. 7); «идите къ рабу Моему Іову, говорилъ Господь друзьямъ Іова, Іовъ же рабъ Мой помолится о васъ, понеже точію лице его прииму: аще бо не его ради, погубилъ быхъ убо васъ“ (Іов. 42. 8); «не буди мнѣ, говорилъ пр. Самуилъ іудеямъ, просившимъ его заступленія предъ Господомъ, еже отступити отъ Господа Бога моего, и не вопити о васъ съ моленіемъ», и дѣйствительно говорится въ Св. Писаніи о прор. Самуилѣ: „возопи ко Господу о Израилѣ, и послуша его Господь“ (I Цар. 7. 8—9). Единство рода человѣческаго (Дѣян. 17. 26), отраженіе какъ бы одного въ другихъ, и другихъ въ одномъ составляетъ ту священную основу существованія рода нашего, которал, какъ жизненная артерія и жизненный пульсъ, продолжалъ нормально биться въ избранныхъ сынахъ человѣчества, утверждаетъ и поддерживаеетъ собою существованіе племенъ и народовъ, городовъ и царствъ. На этомъ же единствѣ рода человѣческаго зиждется и все домостроительство Божіе относительно человѣка: здѣсь и паденіе всего человѣчества, вмѣненіе грѣха Адама всему человѣческому роду, здѣсь же и искупленіе человѣчества, спасеніе онаго, вмѣненіе искупительной жертвы Иисуса Христа, какъ Сына Божія и Сына Человѣческаго, постольку, поскольку человѣкъ приобщается естеству новаго человѣка въ

Иисусъ Христѣ, становится вѣтвію на новой истинной виноградной лозѣ, которой уподобляетъ Себя Самъ Иисусъ Христосъ (Іоан. 15. 1... 5), какъ оцъ природою самаго своего происхожденія по естеству причастенъ ветхаго человѣка въ Адамѣ (Іоан. 1. 12. 13): «какъ въ Адамѣ всѣ умирають, говорить Апостоль, такъ во Христѣ всѣ оживуть» (1. Кор. 15. 22); „какъ однимъ человѣкомъ грѣхъ вошелъ въ міръ, и грѣхомъ смерть, и смерть перешла во всѣхъ человѣковъ, потому что въ немъ всѣ согрѣшили“: такъ «тѣмъ болѣе благодать Божія и даръ по благодати одного человѣка, Іисуса Христа, преизбыточествуютъ для многихъ. Ибо если преступленіемъ одного смерть царствовала посредствомъ одного: то тѣмъ болѣе пріемлющіе обиліе благодати и даръ праведности будутъ царствовать въ жизни посредствомъ единого Іисуса Христа» (Рим. 5. 12. 15. 17. 18). „Такъ и написано, говорить въ другомъ мѣстѣ Апостоль, первый человѣкъ Адамъ сталъ душею живущею (Быт. 2. 7), а послѣдній Адамъ есть духъ животворящій (1 Кор. 15. 45.). Заступленіе всего человѣческаго рода предъ Богомъ въ лицѣ Богочеловѣка, чрезъ его искупительную жертву, простирается до утвержденія основаній существованія самаго міра, а равно благословеній Божіихъ всему человѣчеству для цѣлой вѣчности: ибо никто, говорить Апостоль не можетъ положить другаго основанія, кромѣ положеннаго, которое есть Иисусъ Христосъ“ (1 Кор. 3. 11): Онъ есть краеугольный камень, «на которомъ все зданіе» спасенія человѣческаго въ Его Церкви, „слагаясь стройно, возрастаетъ въ святой храмъ въ Господѣ“ (Еф. 2. 20. 21), такъ «что мы—христіане,—въ другомъ мѣстѣ говорить Апостоль, члены тѣла Его, отъ плоти Его и отъ костей Его» (Еф. 5. 30). Какъ Сынъ Божій, имѣющій сдѣлаться Сыномъ Человѣческимъ, Иисусъ Христосъ, „входя въ міръ, по свидѣтельству Св. Писанія, говорить“ Своему Отцу Небесному: жертвы и приношеній Ты не восхотѣлъ, но тѣло уготовалъ Миѣ (Евр. 10. 5—6), и «не Ангеловъ воспріемлетъ Онъ, говорить Апостоль, но воспріемлетъ сѣмя Ав-

раамова» (Евр. 25. 16). Воспринимая же естество человѣческое (Евр. 2. 14; Иоан. 1. 14), Иисусъ Христосъ, чрезъ Свою всемірно искупительную жертву, становится Примирителемъ съ Богомъ и Искупителемъ рода человѣческаго, замѣстителемъ его страданій и вѣчнымъ Предстателемъ со креста предъ Богомъ за грѣшное человечество (Кол. 1. 19—20; Еф. 2. 14—16; Евр. 7. 25—27): Онъ и одесную Бога, говоритъ Ап. Павелъ, Онъ и ходатайствуетъ за насъ» (Рим. 8. 34).—На этой же священной основѣ единства рода человѣческаго утверждается предъ Богомъ и вѣра заступающая однихъ въ лицѣ другихъ: Авраамъ молитъ Господа за содомлянъ и Господь обѣщаетъ помиловать грѣшныхъ жителей даже ради десяти праведниковъ (Быт. 18. 32); Моисей, предстательствуя предъ Богомъ на Синаѣ, заступаетъ собою весь сонмъ народа израильскаго, и Господь не только удерживаетъ Свой гнѣвъ отъ истребленія согрѣшившаго народа, но и обѣщаетъ продолжить всѣ особыя благодѣянія сему народу бывшія отъ Бога (Исх. 32. 3... 34; 33. 1... 14); предъ разрушеніемъ Иерусалима царемъ вавилонскимъ Господь говоритъ устами прор. Іереміи къ народу іудейскому: „походите по улицамъ Иерусалима, и посмотрите, и развѣдайте, и повѣщайте на площадяхъ его, не найдете ли человѣка, вѣтъ ли соблюдающаго правду, ищущаго истины? Я пощадилъ бы Иерусалимъ“ (Іер. 5. 1). Въ Евангельскихъ повѣтствованіяхъ мы находимъ много примѣровъ вѣры заступающей, предстательствующей предъ Иисусомъ Христомъ за однихъ въ лицѣ другихъ: дочь хананеянки получаетъ исцѣленіе по вѣрѣ своей матери (Мат. 15. 28); сынъ царедворца исцѣляется (Іоан. 4. 50—53), а дочь Іаира изъ мертвыхъ воскрешается (Мар. 5. 36) по вѣрѣ своихъ родителей; по вѣрѣ сотника получаетъ исцѣленіе его любимый слуга (Лук. 7. 3. 9. 10); наконецъ—въ Евангельскомъ повѣтствованіи объ исцѣленіи разслабленнаго въ Капернаумѣ, котораго принесли къ Иисусу Христу четверо на одрѣ, мы читаемъ, что Иисусъ Христосъ, видя вѣру ихъ—принесшихъ,—сказалъ человѣку тому:

«чадо! прощаются тебѣ грѣхи твои!» и потомъ въ силу той же вѣры принесшихъ, исцѣлили разслабленнаго отъ его тѣлеснаго недуга (Мар. 2. 35, Лук. 5... 20). Не забудемъ здѣсь, что въ этомъ повѣствованіи объ исцѣленіи разслабленнаго значеніе вѣры принесшихъ предъ Иисусомъ Христомъ простиралось даже до прощенія грѣховъ грѣшнику.

Итакъ предстательство предъ Богомъ однихъ за другихъ, вѣра заступающая однихъ въ лицѣ другихъ есть несомнѣнная Богооткровенная истина: „сѣмя свѣто—стояніе его“ (Ис. 6. 13), говоритъ Пр. Исаія о народѣ іудейскомъ и, говоря сіе, онъ высказываетъ вѣчную истину для существованія царствъ и народовъ всѣхъ временъ: народы и царства возвышаются или падаютъ, процвѣтаютъ или гибнутъ не отъ тѣхъ или другихъ хорошихъ или дурныхъ правителей, не отъ сосѣдства слабѣйшихъ, или нападенія сильнѣйшихъ народовъ, а отъ возрастанія или истощанія святаго сѣмени среди народа, отъ чистоты или растлѣнія нравовъ сыновъ того или другого отечества — государства: „иногда Я скажу о какомъ либо народѣ и царствѣ, говоритъ Господь, что скореню, сокрушу и погублю его: но если народъ этотъ, на который Я это взрекъ, обратится отъ своихъ злыхъ дѣлъ; Я отлагаю то зло, которое помыслилъ сдѣлать ему. А иногда скажу о какомъ либо народѣ и царствѣ, что устрою и утвержу его: но если онъ будетъ дѣлать злое предъ очами Моими, и не слушаться гласа Моего; Я отыню то добро, которымъ хотѣлъ облагодѣтельствовать его“ (Иер. 18. 7. 10). Хорошіе же или дурные правители, продолженіе и преобладаніе другихъ народовъ есть уже слѣдствіе процвѣтанія или упадка нравственности народа, а не причины его возвеличенія или гибели; это уже пути, которыми правосудіе Божіе дѣйствуетъ, обращая самую обыкновенную, временную и внѣшнюю явленія къ служенію вѣчной правдѣ Своей. Что истинно въ отношеніи цѣлаго міра, то, несомнѣнно, истинно и непреложно и въ отношеніи отдѣльныхъ людей: судьбы каждаго изъ насъ самымъ тѣснымъ, внутреннимъ союзомъ ве-

посредственно связаны не съ нашею только вѣрою и нравственностію, но съ вѣрою и нравственностію нашихъ братьевъ по отечеству, братьевъ по вѣрѣ Соборной и Апостольской Церкви Христовой: «мы многіе одно тѣло», говоритъ Апостоль. Посему, страдаетъ ли одинъ членъ, страдаютъ съ нимъ всѣ члены; славится ли одинъ членъ, съ нимъ радуются всѣ члены» (1 Кор. 10. 17; 12. 26). Вѣра заступающая въ христіанской религіи есть такой членъ въ оной, который, содержась или подразумеваясь въ каждомъ чиновствованіи тайнодѣйствій и священнодѣйствій Христіанскаго Богослуженія, составляетъ собою существенную внутреннюю сторону человѣческую въ противоположность той же стороны Божественной—благодати Божіей. „И вы тѣло Христово, а порознь члены, говоритъ Апостоль. И ввыхъ Богъ поставилъ въ Церкви во первыхъ Апостолами, во вторыхъ пророками, въ третьихъ учителями; далѣе, инымъ далъ силы чудодѣйственныя, также дары исцѣленій, вспоможенія, управленія, разные языки. Всѣ ли Апостолы?.. всѣ ли пророки? всѣ ли учителя? всѣ ли чудотворцы? Всѣ ли имѣютъ дары исцѣленій? всѣ ли говорятъ языками? всѣ ли истолкователи? (1 Кор. 12. 27. 30). Конечно— не всѣ, но «Богъ расположилъ члены, скажемъ словами же Апостола, каждый въ составѣ тѣла, какъ Ему угодно» (1 Кор. 12, 18). Однако въ семь расположеніи членовъ въ Церкви Божіей существуютъ неизмѣнно два главныхъ раздѣленія—на пастырей и пасомыхъ, на священную іерархію и руководимыхъ оною вѣрующихъ—„Ниву Божію и словесное стадо Христово“: мы соработники у Бога, говоритъ Апостоль, а вы Божія нива, Божіе строеніе (1 Кор. 3. 9); «внимайте себѣ, говоритъ Ап. Павелъ Ефесской Церкви пастыреначальникамъ, и всему стаду, въ немъ же васъ Духъ Святый постави епископы пасты Церковь Господа Бога» (Дѣян. 20. 28), и въ другомъ мѣстѣ тотъ же Апостоль свидѣтельствуеть, что Самъ Господь Богъ далъ Церкви пастырей и учителей „къ совершенію святыхъ, въ дѣло служенія“ (Еф. 4. 11—12), какъ Своихъ домостроителей

(Тита 4. 7) или, выражаясь частіше въ другомъ мѣстѣ, какъ строителей тайнъ Божіихъ (1 Кор. 4. 1). Можетъ ли, спрашивается, сіе домостройство тайнъ Божіихъ чрезъ особыхъ изъ людей строителей быть таковымъ безъ видимаго посредства и безъ извѣстнаго, опредѣленнаго обряда? Казалось бы страннымъ предлагать себѣ этотъ вопросъ, когда дѣло касается уже дѣятельности человѣка въ отношеніи и при воздѣйствіи его на другаго, подобнаго ему собрата: безъ извѣстнаго посредства и опредѣленнаго дѣйствія никакой передачи чего бы то ни было отъ человѣка къ человѣку и быть не можетъ,—если-бы не случалось иногда слышать неразумныхъ сужденій, къ чему дескать тотъ или другой обрядъ въ Церковномъ Богослуженіи; нельзя ли если несовершенно устранить, то упростить, сократить ту или другую священную церемонію въ чинослѣдованіяхъ Церкви? Но значеніе іерархін относительно предмета нашего разсужденія, т. е. о необходимости виѣшняго посредства и обрядовъ въ Богослуженіи этимъ не исчерпывается: священнодѣйствующіе, получившіе свое посвященіе преемственно отъ Апостоловъ по чину и уставу Церкви, суть лица, получившія Божественное право не только вязать и рѣшить (Іоан. 20. 22. 23; Срав. Чис. 16. 5; 18, 7; 3. 10), но и представлять собою, въ смыслѣ вѣры заступающей, другихъ, сущихъ братій по вѣрѣ, предъ Богомъ: «и повесетъ на себѣ, говорилъ Господь о первосвященникѣ Ааронѣ, недостатки приношеній, посвящаемыхъ отъ сыновъ Израилевыхъ, и всѣхъ даровъ, ими приносимыхъ» (Исх. 28. 38), „чтобы снимать грѣхи съ общества и очищать ихъ предъ Господомъ“ (Лев. 10. 17). Самъ «Господь покажетъ, говоритъ прор. Моисей объ Ааронѣ и его сыновьяхъ—священникахъ, кто Елю, и кто святъ, чтобы приблизить его къ Себѣ; и кого Онъ изберегетъ, того и приблизитъ къ Себѣ» (Чис. 16. 5). „Я даю вамъ въ даръ службу священства, говоритъ Господь Аарону и сыновьямъ его. Такъ отправляйте службу во святилищѣ, и при жертвенникѣ, дабы не было впредъ гнѣва на сыновъ Израилевыхъ“ (Чис. 18. 7. 5), и да-

бы вы были «на стражѣ за все общество при скупиніи собраніи» (Чис. 3. 7). Апостоль Павелъ, говоря въ своихъ посланіяхъ о значеніи ветхозавѣтнаго священства, всецѣло переноситъ принципиальное, такъ сказать, значеніе онаго предъ Богомъ и для людей и въ Новый Завѣтъ Бога съ человѣками: „всякій первосвященникъ изъ человѣковъ избираемый, говоритъ Апостоль, для человѣковъ поставляется на служеніе Богу, чтобы приносить дары и жертвы за грѣхи. По сему онъ долженъ какъ за народъ, такъ и за себя приносить жертвы о грѣхахъ. И никто самъ собою не приметъ сей чести, но призываемый Богомъ, какъ и Ааронъ“ (Евр. 5. 1. 3. 4). Исусъ Христосъ, избравъ двѣнадцать Апостоловъ, называетъ ихъ «солью земли, свѣтомъ міра» (Мат. 5. 13—14): „и за нихъ Я посвящаю Себя, молился Спаситель въ Своей первосвященнической молитвѣ объ Апостолахъ къ Отцу Небесному, чтобы и они были освящены истинною“, и прибавилъ: «не о нихъ же только молю, но и о вѣрующихъ въ Меня по слову ихъ», потому что „Я прославился въ нихъ, и славу, которую Ты далъ Мнѣ, Я далъ имъ“ (Іоан. 17. 19—20—10—22). Такимъ образомъ призваніе отъ Господа, Божественный даръ и право священства одинаково принадлежать іерархіи какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завѣта (Тит. 4. 14; 2 Тим. 1. 6; 1 Кор. 3. 5—9. 11): въ лицѣ священной іерархіи общество вѣрующихъ имѣетъ не только своихъ предстателей предъ Богомъ, несущихъ въ отиравленіи Богоучрежденныхъ чиновослѣдованій Церкви недостатки и несовершенства всѣхъ прочихъ членовъ Церкви,—но и такихъ лицъ, которымъ дарована власть отъ Бога—освящать другихъ, созидать всѣхъ и каждого изъ вѣрующихъ въ живой храмъ Господень (1 Кор. 3. 16—17; 4—1). И это посредство священной іерархіи также вѣрно и непреложно, какъ и само слово Божественнаго Пастыреначальника, которымъ онъ общалъ избраннымъ своимъ пребывать съ ними до скончанія вѣка (Мо. 28, 20.) и пока священство Божіе истинно будетъ стоять на стражѣ завѣтовъ Божіихъ человѣку, пока оно будетъ съять на

«нивь Божіей» святое сѣмя слова Божія, до тѣхъ поръ благодать Божія не престанетъ освящать и животворить души и сердца людей: „какъ дождь и снѣгъ, говорить Господь, нисходятъ съ неба, и туда не возвращается, но напоетъ землю, и дѣлаетъ ее способною рождать и произрощать, чтобы она давала сѣмя тому, кто сѣетъ, и хлѣбъ тому, кто ѣстъ, такъ и слово Мое, которое исходитъ изъ устъ Моихъ,—невозвращается во Мнѣ тщетнымъ, но исполняетъ то, что Мнѣ угодно, и совершаетъ то, для чего Я послалъ его“ (Ис. 55. 10—11). А это Слово Божіе послано отъ Бога въ міръ, дабы «освятить людей „истиною“ Божіею (Іоан. 17. 17); строителемъ же сего освященія свыше въ Церкви Божіей на всегда требуетъ призванна на то отъ Бога и получившая для этого «и даръ отъ Бога священство» священная іерархія, члены которой являются какъ бы „сороботниками Божіими“ на нивѣ и въ дѣлѣ строенія Божія, Его Святой Церкви (1 Кор. 3. 9). «Всякій, кто призоветъ имя Господне, спасется», приводитъ слова пророка Ап. Павель и за тѣмъ вопрошаетъ: „но какъ призывать Того, въ кого неувѣровали? какъ вѣровать въ Того, о комъ не слышали? какъ слышать безъ проповѣдующаго? И какъ проповѣдывать, если не посланы?“ (Рим. 10. 13.. 15). Итакъ посланничество свыше отъ Бога, полученіе отъ Него въ даръ священства на служеніе людямъ, Божественное право, присущее іерархическому лицу въ его служеніи дѣлаютъ самое это лице живымъ орудіемъ и одушевленнымъ посредствомъ Божіимъ для устроенія Царства Божія на землѣ; и будучи человекомъ, призваннымъ освящать другихъ во имя Божіе и сообщать Божественныя дарованія людямъ же, іерархическое лицо само должно имѣть орудія и способы передачи того, что получило оно отъ Бога. Мы, говоритъ Апостоль о себѣ и о своихъ, конечно, преемникахъ, суть «насаждающіе и поливающіе служители Божіи и сороботники у Бога на нивѣ Божіей и въ Божіемъ строеніи» (1 Кор. 3. 5.. 9): та живая вода, которою признава іерархія орошать и навоить души вѣрук-

щихъ, есть благодать Духа Святаго (Іоан. 7. 37... 39),—спрашивается: какимъ образомъ сія живая вода, оправдывающая и освящающая человѣка во Христѣ, можетъ быть иначе подана и сообщена, какъ не въ своего рода сосудахъ? И этими сосудами—орудіями и будутъ именно существующія тайнодѣйствія и священнодѣйствія Церкви. Мыслить объ этомъ предметѣ иначе, значитъ забывать, что человѣкъ есть существо духовно—тѣлесное, или намѣренно искажать дѣйствительность, т. е. нормальное проявленіе жизни и дѣятельности человѣка, Но съ другой стороны, іерархическое лице, изъ человѣковъ избираемое, какъ мы видѣли это изъ свидѣтельства Апостола, „для человѣковъ поставляется на служеніе Богу, чтобы приносить дары и жертвы за грѣхи“ (Евр. 5. 1), и такимъ образомъ въ своемъ служеніи является предстателемъ предъ Богомъ за народъ, заступающимъ собою другихъ вѣрующихъ: сіе заступленіе, очевидно, не можетъ быть номинальнымъ, потому что оно не есть изобрѣтеніе человѣка и не власть, врученная отъ человѣковъ, а есть даръ Божій; и самыя жертвы въ В. Завѣтѣ не сами по себѣ имѣли силу, а поелику прообразовали собою всемірно—искупительную жертву, принесенную Іисусомъ Христомъ за родъ человѣчскій на Голгофѣ. Посему въ самомъ заступленіи своемъ предъ Богомъ іерархія является хотя отъ людей, но съ даромъ же Божиимъ; ни измѣнить сего дара, ни явиться безъ него въ своемъ служеніи предъ Богомъ іерархическое лице не должно и не можетъ; такъ какъ оно и призвано отъ Бога для служенія человѣкамъ съ симъ именно Богомъ опредѣленнымъ, Богомъ назначеннымъ и даннымъ, заступающимъ предъ Нимъ Его же Божественнымъ даромъ: «Твоя отъ Твоихъ, Тебѣ приносяще о всѣхъ и за вся!» (Лут. Іоан. Зл. и Вас. Вел.)—вотъ смыслъ и значеніе какъ ветхозавѣтныхъ жертвъ, такъ и главнаго изъ христіанскихъ Богослуженій—Божественной Евхаристіи. Различіе ветхозавѣтныхъ жертвъ отъ новозавѣтной литургійной жертвы есть различіе, принадлежащее всему ветхозавѣтному служенію по отношенію

къ новозавѣтному: тамъ образъ, здѣсь самый предметъ, тамъ тѣнь будущихъ благъ, здѣсь самое благо, сама жертва Христа по подобію жертвы Голгоетской, тамъ жертва—„святыня предъ Господомъ“, здѣсь жертва—„святыня отъ Самаго Господа—тѣло и кровь Иисуса Христа». И установивъ Св. таинство Причащенія, какъ „кровь Новаго Завета“, Иисусъ Христосъ повелѣлъ совершать оное во все времена до скончанія вѣка «въ Его воспоминаніе» (Лук. 22. 19. 20). Такимъ образомъ въ самомъ своемъ призваніи іерархія сама по себѣ есть уже какъ бы вышнее посредство и орудіе Божіе для служенія людямъ; въ своемъ служеніи и дѣланіи на нивѣ Божіей она необходимо и неизбежно должна дѣйствовать чрезъ видимыя же орудія и посредства, освященные для этой цѣли Самимъ Богомъ; въ своемъ предстательствѣ предъ Богомъ она должна служить Богу отъ Него же изшедшимъ и Ему принимаемымъ даромъ, — очевидно, даромъ видимымъ, такъ какъ сей Божественный даръ назначенъ отъ Бога быть приносимымъ отъ человѣковъ и за человѣковъ же. Не видимъ ли мы потому, что обряды и чинослѣдованія въ Богослуженіи Христіанскомъ являются не только существенною стороною для освящающей человѣка благодати Св. Духа, но сія чинослѣдованія въ главныхъ частяхъ своихъ, какъ учрежденія Божественныя, и никогда не могутъ быть измѣнены человѣкомъ, ибо въ нихъ именно и чрезъ нихъ опредѣлили дѣйствовать въ людяхъ „все Богъ возращающій“, какъ говоритъ Апостоль? (1 Кор. 3. 7).

VII.

При всемъ томъ однако этимъ еще не исчерпывается значеніе для человѣка видимой или обрядовой стороны чинослѣдованій христіанскаго Богослуженія: насажденіе или «вѣра, говоритъ Апостоль, отъ слышанія, а слышаніе отъ Слова Божія» (Рим. 10. 17). Такимъ образомъ слово — духовнѣйшее изъ средствъ человѣческихъ, предполагается само собою для проповѣданія Евангелія, для возбужденія вѣры въ людяхъ. Но вѣра, какъ всякое другое чувство человѣка, какъ всякое про-

явленіе духовной жизни человѣка, имѣть, какъ мы видимъ, степени своего возраста: человѣкъ, по слову Св. Писанія, можетъ находится только „въ начаткахъ пути Господа“, въ начаткахъ вѣры (Дѣян. 18. 25); само членство человѣка въ Царствіи Божіемъ, т. е. удостоеніе полученія оправданія и освященія во Христѣ требуетъ созрѣнія вѣры, требуетъ со стороны человѣка извѣстной степени высоты и силы вѣры, вѣдомой конечно, въ своей мѣрѣ одному только Богу. Иисусъ Христосъ одному изъ послѣдователей Своихъ, просившему позволенія слѣдовать за Нимъ, сказалъ: «слѣдуй за Мною!.. види, благовѣтствуй Царствіе Божіе!» другому на просьбу: „я пойду за Тобою, Господи! но прежде позволь мнѣ простаться съ домашними моими“, сказалъ: «ни кто, возложившій руку свою на плугъ, и озирающійся назадъ, неблагонадеженъ для Царствія Божія» и вмѣстѣ отклонилъ просителя отъ общества своихъ послѣдователей (Лук. 9. 59... 62), а о третьемъ засвидѣтельствовалъ, что онъ „недалекъ отъ Царствія Божія“ (Мар. 12. 34). Изъ этихъ свидѣтельствъ Евангелія, а равно изъ свидѣтельства Апостола, что человѣкъ можетъ находится только въ начаткахъ вѣры, мы видимъ, что въ духовно—нравственномъ отношеніи мѣра возраста вѣры является со стороны человѣка необходимымъ условіемъ пріятія благодатныхъ даровъ Святаго Духа и вообще Божественныхъ дарованій, и это—истинно какъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ чудотвореній, о чемъ мы говорили уже въ своемъ мѣстѣ, такъ и вообще въ удостоеніи оправданія и освященія человѣка во Христѣ. Какое же отношеніе и какое значеніе для чисто внутренней, духовной стороны человѣка—созрѣнія въ немъ вѣры имѣть чисто внѣшнее дѣйствіе—видимое посредство, священный обрядъ, извѣстное священнодѣйствіе? Отношеніе ближайшее—отношеніе тѣла къ душѣ, значеніе образа и формы къ идеѣ, значеніе воплощенія внутренняго содержанія во внѣшнихъ знакахъ и символахъ. И такое значеніе священныхъ посредствъ и обрядовъ въ Богослуженіи должно дѣйствовать не только воспитательно и на-

учительно на человека въ области вѣры, но, съ одной стороны, свидѣтельствовать о дѣйствительномъ созрѣніи вѣры у человека, пріемлющаго обрядъ, съ другой — способствовать восхожденію ея на свою высоту, которая, какъ таковая въ дуплѣ человека, достойна бываетъ воспріятія благодати Божіей. Выходя по крайней мѣрѣ именно изъ этой послѣдней мысли, и можно объяснить себѣ, почему Іисусъ Христосъ при Своихъ чудотвореніяхъ, въ однихъ случаяхъ, дѣйствовалъ однимъ всемогущимъ словомъ Своимъ, въ другихъ, какъ мы видѣли, возлагалъ руки Свои на больного, влагалъ персты Свои въ уши глухаго, прикасался рукою къ языку нѣмаго (Мар. 7. 34; 8. 22), дѣлалъ брвеніе изъ плюновения для помазанія очей слѣпаго и, наконецъ, сверхъ того слѣпорожденному приказалъ умыться въ священныхъ водахъ Силоама. «Приходитъ, говорится въ Евангеліи, Іисусъ Христосъ въ Внесанду: и приводятъ къ нему слѣпаго, и просятъ, чтобы прикоснулся къ нему. Онъ, взявъ слѣпаго за руку, вывелъ его вонъ изъ селенія и, плюнувъ ему на глаза, возложилъ на него руки, и спросилъ его: видишь ли что? Онъ, взглянувъ, сказалъ: вижу проходящихъ людей, какъ деревья. Потомъ опять возложилъ руки на глаза ему, и велѣлъ ему взглянуть. И онъ исцѣлѣлъ, и сталъ видѣть все ясно». (Мар. 8. 23. 24.). Объяснять здѣсь такое дѣйствованіе Іисуса Христа постепенностію въ физическомъ отношеніи возвращенія зрѣнія слѣпому, ради какъ бы пріученія сего органа отъ тьмы къ свѣту, совершенно неумѣстно, такъ какъ въ другихъ случаяхъ, по одному слову Спасителя, или послѣ одного прикосновенія перстовъ Его къ глазамъ „точасъ“ (Лук. 18. 4. 2), какъ говорится въ Евангеліи, отверзались очи слѣпымъ (Мат. 20. 31. 32); даже о слѣпорожденномъ говорится въ Евангеліи, что «онъ пошелъ—въ купальню Склоамскую—умылся и прозрѣлъ» (Іоан. 9. 7. 11). Въ данномъ случаѣ такъ поступалъ Іисусъ Христосъ, думаетъ блж. Теофилактъ, потому, что слаба была вѣра этого слѣпаго, и Господь, постепенно открывалъ ему взоръ тѣлесный, воз-

подилъ его къ вѣрѣ совершеннѣйшей (Тол. Ев. Арх. Мих. т. II стр. 103). Не сіе ли возбужденіе вѣры совершеннѣйшей было главнѣйшею причиною того, что кромѣ Своего прикосновенія и помазанія брениемъ изъ плюювенія очей слѣпорожденнаго, Иисусъ Христосъ еще послалъ его умыться въ купальнѣ Силоамской? (См. тол. Ев. Арх. Мих. ст. 327 т. III). Возбужденная въ сердцѣ слѣпорожденнаго вѣра лично въ Иисуса Христа и въ непреложности Его слова восходитъ отъ силы въ силу, отъ степени въ степень во время пути; съ каждымъ новымъ шагомъ она воспламеняется въ его душѣ, съ большимъ приближеніемъ пламень вѣры все больше и больше объемлетъ душу и сердце его и съ моментомъ омовенія въ священныхъ водахъ Силоама она достигаетъ высоты и достоинства чудоприемлемости, какъ почитія на человѣкѣ особой чрезвычайной силы и дарованія Божественнаго. Такое объясненіе внѣшнихъ дѣйствій Иисуса Христа при исцѣленіи вышеуказанныхъ больныхъ, съ психической стороны человѣка, т. е. со стороны его чувствъ и напряженности его душевнаго настроенія въ извѣстномъ направленіи, совершенно понятно и естественно. Вѣра язычницы—сирофиникянки, молившей Иисуса Христа объ исцѣленіи бѣснующейся ея дочери, возведена была на высоту, въ состояніе совершеннѣйшее непонятнымъ на первый разъ самимъ Апостоломъ молчаніемъ Иисуса Христа, впрочемъ не отвѣчавшаго сперва на молитву этой убитой горемъ жейщины, а потомъ жесткимъ, по видимому, словомъ Спасителя о недостойномъ отнятій хлѣба у дѣтей — іудеевъ, и поданіи его псамъ—язычникамъ (Мат. 15. 22... 28); вѣра слѣпаго, глухаго и косноязычнаго возведена была въ совершеннѣйшее состояніе прикосновеніемъ Божественной руки Спасителя, и помазаніемъ брениемъ изъ плюювенія очей слѣпаго, а вѣра слѣпорожденнаго, какъ мы говорили, кромѣ сего помазанія еще умовеніемъ въ купальнѣ Силоамской. Не видимъ ли мы изъ этихъ примѣровъ съ очевидною ясностію того, что внѣшнее посредство, какъ орудіе благодати Божіей, служило въ дан-

ныхъ случаяхъ, дѣйствительно, средствомъ дозрѣнія вѣры въ душахъ и сердцахъ тѣхъ людей и явленія оной въ ея соперничѣшемъ видѣ для достойной приемлемости дарованій Божественныхъ? Мы полагаемъ, что въ сплхъ отдѣльныхъ случаяхъ дѣйствованія І. Христа—дѣйствованія столь значительнаго и столь премудраго открыть намъ особый величайшій смыслъ и высокое значеніе всѣхъ вообще священныхъ посредствъ и обрядовъ въ тайнодѣйствіяхъ и священнодѣйствіяхъ Церкви: наглядное какъ бы подтвержденіе сего мы видимъ въ образѣ Евангельской кровоточивой женщны, которая какъ бы извлекла и привлекла на себя Божественную силу именно въ тотъ моментъ, когда прикоснулась къ одеждѣ Иисуса Христа (Лук. 9. 44), а этотъ моментъ прикосновенія, судя по внутренне — опытному разумѣнію души человѣка, долженъ былъ быть моментомъ наивысочайшаго напряженія и выраженія ея глубокой вѣры. При этомъ не можемъ не высказать в слѣдующей мысли, что значеніе всякой идеи человѣка, всякаго болѣе или менѣе высокаго чувства души его получаетъ свою дѣйствительную, такъ сказать, пробу и цѣну: только во внѣшнемъ дѣйствіи и всякое внѣшнее дѣло само по себѣ есть наилучшее исповѣданіе чувствъ и мыслей человѣка выходя изъ этого соображенія, мы думаемъ, что приступаніе вѣрующаго къ священному обряду, принятія совершающагося надъ нимъ или для него священнодѣйствія, есть основное дѣйствительное исповѣданіе вѣры, есть свидѣтельство о вѣкоторой положительной степени ея высоты и зрѣлости; но вмѣстѣ съ тѣмъ—все время совершенія обряда для приступающаго къ оному, при подразумеваемомъ само собою пониманіи таинственнаго, благодатнаго, Божественнаго внутренняго значенія онаго, какъ видимаго орудія и посредства дарованія челоѣку силы Божіей, будетъ временемъ наивысшаго подъятія и наиболѣе зрѣлаго, жизненно одушевленнаго состоянія и проявленія вѣры въ сердцѣ вѣрующаго. Приступленіе къ обряду для приступающаго къ оному всякій разъ, напр. въ таинствахъ,

есть своего рода посвященіе къ принятію Божественнаго дарованія, и сіе посвященіе у живущаго нормально психическою жизнію человѣка всегда будетъ самою торжественною, наиболѣе высокою минутою искренняго и глубокаго проявленія его вѣры. Тотъ Божественный трепеть, который объемлетъ и наполняетъ собою въ это время душу вѣрующаго, дѣлаетъ ея достойною пріемлемости Благодати Божіей, и духовныя очистины, видѣнія доселѣ предметы вѣры подобно тѣлеснымъ очамъ Евангельскаго слѣпаго, смотрѣвшаго на людей, какъ на деревья, за время совершенія священнаго обряда подобно тому, какъ тѣлесныя очи того слѣпаго за время совершенія надъ нимъ Иисусомъ Христомъ помазанія очей брѣвнѣемъ изъ плюновения, прозрѣваютъ и начинаютъ видѣть ясно. Такимъ образомъ священный обрядъ въ Богослуженіи является для человѣка, въ его психическомъ отношеніи, всеобщимъ, естественнымъ и наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ къ исповѣданію, живѣйшему возбужденію и высшей зрѣлости вѣры въ его душѣ. Такъ премудро, такъ Божественно—цѣлесообразно относительно природы самаго человѣка Господь въ домостроительствѣ Своей Церкви расположилъ все, дабы, приближая Себя къ человѣкамъ, самъ человѣкамъ предоставить всѣ средства и способы приблизиться къ Нему—Богу, „въ кровѣ Бога небеснаго подпориться“, живя и питаясь Его Божественными дарованіями! Если же при всемъ обиліи и богатствѣ средствъ, дарованныхъ Богомъ Св. Церкви, дабы возбуждать и воспитывать въ душахъ нашихъ вѣру совершеннѣйшую, многіе изъ насъ почти во всю жизнь свою остаются въ вѣрѣ тепло-хладными, то сіе записать или отъ плотяности нашей, отъ продолжающагося господства въ насъ ветхаго нашего человѣка, тлѣющаго въ похотяхъ своихъ, или отъ нашего равнодушія, или же отъ преступнаго, дерзостнаго и безумнаго вождѣнія, которое, при всѣхъ дарованныхъ намъ отъ Бога духовныхъ благахъ, желало бы въ тайнѣ нашего сердца, чтобы сія блага служили ему всегда, какъ только оно пожелаетъ — безъ всякаго личнаго

усилія нашего, безъ всякаго труда, безъ всякой личной заслуги: много, много, если мы потрудимся только простеречь руку свою для снятія того или другаго плода съ древа жизни— Пастыреначальника нашего Иисуса Христа. «Съ кѣмъ сравню людей рода сего? и кому уподоблю? говоритъ Иисусъ Христосъ о современныхъ Ему іудеяхъ. Они подобны дѣтямъ, которыя сидятъ на улицѣ, кличуть другъ друга и говорятъ: мы играли вамъ на свирѣлѣ, и вы не плясали; мы пѣли вамъ плачевныя пѣсни, и вы не плакали. Ибо пришелъ Іоаннъ Креститель: ни хлѣба не ѣсть, ни вина не пьетъ; и говорите: въ немъ бѣсъ. Пришелъ Сынъ Человѣческій: ѣсть и пьетъ; и говорите: потъ, человѣкъ, который любитъ ѣсть и пить вино, другъ мытарямъ и грѣшникамъ. И оправдана премудрость всѣми чадами ея» (Лук. 7. 31.. 35). Да, есть, были и будутъ всегда въ Церковь Божію, съ одной стороны, избалованныя, неразумныя и негодныя дѣти, съ другой,—„чада мира“ Божія, которыя и оправдываютъ въ себѣ попечительную о человѣкѣ премудрость Божию. «Воспою возлюбленному Моему, говоритъ Господь устами прор. Исаія, пѣсья Возлюбленнаго Моего о виноградникѣ его. У Возлюбленнаго Моего былъ виноградникъ на вершинѣ утученной горы. И Онъ обнесъ его оградой, и очистилъ его отъ камней, и насадилъ въ немъ отборныя виноградныя лозы, и построилъ башню посреди его, и выкопалъ въ немъ точило, и ожидалъ, что онъ принесетъ добрыя грозды, а онъ принесъ дикія ягоды. И вынѣ, жители Іерусалима и мужи Іуды, разсудите Меня съ виноградникомъ Моемъ. Что еще надлежало бы сдѣлать для виноградника Моего, чего Я не сдѣлалъ ему? почему, когда Я ожидалъ, что онъ принесетъ добрыя грозды, онъ принесъ дикія ягоды?» (Ис. 5. 1. 4). Виноградникъ Божій, обнесенный стѣною и благоустроенный попечительною рукою Божіею по всѣхъ частяхъ сплхъ, есть Св. Церковь Божія на землѣ какъ въ Ветхомъ, такъ и въ Новомъ Завѣтѣ (Мат. 21. 33.. 43); обиліе и богатство средствъ, дарованныхъ Церкви отъ Бога, а равно премудрая цѣлесооб-

разность оныхъ дабы поддерживалась, укрѣплялась и воспитывалась вѣра человѣка, дѣлають жалобу Господа, обращенную къ Его возлюбленному винограднику, уже праведнымъ осужденіемъ недостойна и перадвѣя самихъ вѣрующихъ. Евангелскій богатъ, мучась въ аду, вступилъ въ пренирательство съ Авраамомъ, котораго онъ узрѣлъ издали блаженствующимъ въ раю, о томъ, что Господь будто бы не достаточно далъ средствъ для возбужденія и поддержанія въ немъ вѣры, когда онъ—богатъ жилъ на землѣ: ему, какъ повѣствуется въ Евангелии, желалось бы, чтобы мертвые являлись благовѣствовать живымъ; но что же мы слышимъ отъ отца вѣрующихъ—Авраама? „У ихъ — живыхъ, говорятъ Авраамъ, есть Моисей и пророки: пусть слушаютъ ихъ. Если Моисей и пророковъ не слушаютъ: то если бы кто и изъ мертвыхъ воскресъ, не послушаютъ“. (Лук. 16. 19. 31.). Бываетъ духовно-нравственное состояніе человѣка, когда онъ слухомъ услышитъ, но не разумѣетъ, и очами своими будетъ смотрѣть, но не увидитъ, какъ свидѣтельствуется Св. Писаніе. Ибо огрубѣваетъ сердце людей, и они ушами съ трудомъ слышать, очи свои смыкають, «да не узрятъ очами, и не услышатъ ушами, и не уразумеютъ сердцемъ и не обратятся, чтобы Я исцѣлилъ ихъ», говоритъ Господь (Ис. 6. 9. 10; Дѣян. 28. 26—27). Такимъ людямъ и голосъ Божій будетъ казаться громомъ небеснымъ (Іоан. 12. 29), и ливавшійся изъ мертвыхъ — призракъ. Для такого болѣзненнаго состоянія души, каково зараждающееся, или зародившееся уже въ душѣ человѣка невѣріе, единственное врачевство состоитъ въ самоосужденіи и покаяніи; въ противномъ случаѣ самыя непрложныя и очевидныя доказательства истины бытія или свойствъ Божіихъ для невѣрующаго останутся не-то, чтобы не убѣдительною, мало доказательными, этого нельзя сказать, а мало на него дѣйствующими, такъ какъ сама вѣра есть болѣе нравственная истина, чѣмъ умственное отвлеченное знаніе, и видреніе ея въ себѣ требуетъ не перемѣны только убѣжденія, но самообличенія, самоосужденія.

Повтому большая даже вѣсковость доказательствъ для невѣрующаго можетъ только послужить къ большой изворотливости его разсудка пайти—но что бы ни стало, хотя бы самыя величїиїя и неосновательныя, но такія все-таки положенїя и предположенїя, которыя, казалось, ослабляютъ или подрываютъ въ глазахъ невѣрующаго доказательность истины бытїя Божїя, или тѣхъ и другихъ Божественныхъ свойствъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ съ невѣріемъ отчасти сходятся и теплохладность въ вѣрѣ. И хотя въ основѣ сего состоянїя въ душѣ чело-вѣка не лежитъ стремленїе подавить и заглушить въ себѣ вѣру, тѣмъ не менѣе жизни и дѣятельности тепло-хладныхъ въ вѣрѣ людей идетъ какъ бы своимъ чередомъ, нѣсколько или мало освѣщаясь ученїемъ и нравственными предписанїями вѣры. Нерѣдко у многихъ такое равнодушіе въ вѣрѣ въ практической жизни вырождается въ положительное какъ бы невѣріе, а у большинства равнодушныхъ оно является осно-ванїемъ—вѣровать въ Бога по своему, т. е. въ этомъ случаѣ чело-вѣкъ не дерзаетъ сказать себѣ, что онъ въ сущности тоже невѣрующїй, но что, по его понятїямъ, Богъ долженъ быть съ такими и такими свойствами, и это дѣлается, не смотря на Богооткровенныя истинныя указанїя Св. Писанїя о свойствахъ Божества. Эта сторона теплохладности въ вѣрѣ, т. е. вѣровать въ Бога по своему въ свою очередь родитъ теплохладность съ невѣріемъ. И неудивительно іудеи, несмотря на громы и молнїи Сивайскїя и бывшїй къ нимъ гласъ Божїй, сливъ себѣ потомъ золотого тельца сказали: «вотъ богъ твой, Израиль! и съль, говорится въ Св. Писанїи, народъ ѣсть и пить, а послѣ всталъ играть» (Исх. 32. 4—6). Конечно, Богъ, Которому чело-вѣкъ самъ предписывалъ бы законы, свойства и образъ отношенїя Его къ людямъ удобнѣе для надшей и разстроенной нравственно природы нашей, чѣмъ Богъ истинный съ Его всесовершенными свойствами, какъ Онъ открылъ Себя людямъ по указанїю Священ. Писанїя, предписывающїй законы и правила жизни чело-вѣку. И не нужно удивляться,

что такое болѣзненное состояніе души, каковы — невѣріе и тепло-хладность въ вѣрѣ, поражаетъ большею частію души образованныхъ, а иногда даже весьма дарованныхъ въ извест-ныхъ областяхъ наукъ — людей: прежде всего замѣтимъ, что какъ вѣра видрела въ душѣ нашей, можно сказать, отъ самой природы ея существа, такъ и невѣріе глубоко лежитъ въ основѣ нашего падшаго духа: душа, обращенная къ Богу, раскрывается въ вѣрѣ, душа, обращенная любовью на самое себя, переходитъ въ обожаніе себя. „Быть себѣ яко богъ“ т. е. изгладить въ себѣ чувство зависимости и нравственнаго долга по отношенію къ Богу есть открытое стремленіе и затаенное пожеланіе невѣрія: идеальный образъ сего невѣрія есть дьяволъ. Что же удивительнаго, если, съ разширеніемъ у образованнаго человѣка личныхъ стремленій къ большей и большей свободѣ, въ томъ числѣ къ свободѣ совѣсти, къ свободѣ вѣры, переходящей у однихъ, менѣе обольщенныхъ собою и менѣе худшихъ нравственно, въ свободу вѣровать во что хочу, и какъ хочу, у другихъ — надменныхъ и гордыхъ душою, самообожаящихся, въ свободу не вѣровать ни въ какого Бога, самое невѣріе находитъ для себя большую почву? Невѣріе, повторяемъ, есть болѣзнь самообожанія, горделивое дыханіе души, желающей не звать другаго верховнаго авторитета надъ собою, кромѣ авторитета своей собственной мысли и воли: чѣмъ духовное увлеченіе собою будетъ сильнѣе, чѣмъ ослѣпленіе своей свободой ограниченнаго сотвореннаго существа будетъ неограниченнѣе, необузданнѣе, тѣмъ невѣріе и безбожіе будутъ наглѣе и ядовитѣе являть себя. Въ этомъ случаѣ самый гениальный изъ людей, духовно ослѣпленный человѣческою свободою, обольщенный своею личностію, будетъ самымъ ядовитымъ и упорнымъ невѣромъ: онъ въ области мысли явится такимъ же и даже болѣе ядовитымъ разрушителемъ вѣры и религіи, каковымъ является грубый, скотообразный невѣръ въ практической и плотской жизни, и самая доказательства нерелозности и истинности вѣры въ Бога для такого чело-

вѣка будутъ какъ бы личнымъ нападеніемъ на него; возстаніе же его и борьба противъ вѣры будутъ подобны возстанію и борьбы діавола противъ Бога. Есть зрѣніе—именно у нѣкоторыхъ звѣрей и птицъ, зрачекъ которыхъ расширяется во тьмѣ: таково и состояніе души невѣрующаго, но одареннаго богатыми разсудочными способностями, или развитшаго оныя до высокой остроты челоуѣка: умственный взоръ его можетъ необыкновенно расширяться, и все это для того, чтобы видѣть въ духовной тьмѣ безъ вѣры въ Бога. Для невѣрующаго не существуетъ въ собственномъ смыслѣ виѣшней очевидной истины самой по себѣ, а существуетъ такая-то столько, но сколько она отвѣчаетъ его собственному умозрѣнію, но сколько отражается и пресѣкается въ его горделивомъ духѣ и какъ бы совзволенію: діаволъ, клеветущій на добродѣтель Іова и возражающій противъ Самаго Бога, евангельскій богачъ, приирающійся съ Авраамомъ и остающійся при своемъ мнѣніи, представляютъ собою совершеннѣйшіе образцы упорства и личныхъ ложныхъ мнѣній противъ очевидныхъ истинъ. Тотъ и другой остаются неубѣжденными именно потому, что доказательства для взмѣненія своихъ мнѣній и убѣжденій они въ собственномъ смыслѣ и не искали, а домогались каждый совершенно другаго: первый т. е. діаволъ желалъ доказать Богу, что Богъ ошибается въ челоуѣкѣ, второй т. е. богачъ желалъ доказать Аврааму, что отецъ вѣрующихъ неправильно судитъ о людяхъ. Это состояніе невѣрія, какъ сознательное и упорное противленіе очевидной истинѣ, почивающей всецѣло въ Богѣ, какъ своей первопринчпѣ, первоисточникѣ и самосущемъ Бытіи, въ Св. Писаніи называется хулою на Духа Святаго (Мат. 12. 31—32), противленіемъ Духу Святому (Дѣян. 7. 51), пренебреженіемъ Духа Святаго (Быт. 6. 3. въ рус. и.). Слѣдовательно состояніе это характеризуется въ Св. Писаніи полнымъ отсутствіемъ всеоживляющей и освящающей благодати Духа Божіа (Быт. 6. 3). Поэтому самъ собою рѣшается вопросъ, возникающій при разсужденіи о священныахъ посред-

ствахъ и обрядахъ въ тайнодѣйствіяхъ и священнодѣйствіяхъ Христовой Церкви—о томъ: могутъ ли тайнодѣйствія Церкви, совершаемыя, допустимъ, для невѣрующаго или надъ невѣрующимъ (opus operatum, ex opere operato), имѣть своимъ послѣдствіемъ освящающую и оправдывающую человѣка благодать Св. Духа, такъ какъ эта благодать во всякомъ случаѣ несомнѣнно и необходимо, какъ мы видѣли, присуща по благословенію Божію симъ священнымъ дѣйствіямъ? — Очевидно, невѣрующаго ни оправдывать во Христѣ, на освящать св. таинства Церкви не могутъ: „въ какой домъ войдете, говорилъ Иисусъ Христосъ Апостоламъ, сперва говорите: миръ дому сему. И если будетъ тамъ сынъ мира, то почиетъ на немъ миръ вашъ; если нѣтъ, то къ вамъ возвратится“ (Лук. 10. 5—6): слѣдовательно, миръ Божій, какъ дѣйствительная сила Божія, присуща по благословенію Божію слову, какъ одному изъ посредствъ, Апостольскому, во первыхъ, почиетъ только на сынѣ мира и, во вторыхъ, тотъ же миръ Божій, при отсутствіи достойной пріемлемости, долженъ возвратиться къ тому, кто Богомъ поставленъ и уполномоченъ подавать его; иначе говоря: миръ Божій долженъ остаться пребывающимъ въ готовности быть дарованнымъ, но не сообщеннымъ по отсутствію воспріемлимости.—„И сказалъ мнѣ Господь, свидѣтельствуешь Прор. Іеремія, хотя бы предстали предъ лице Мое Моисей и Самуиль, душа Моя не преклонится къ царю сему (говорится здѣсь объ іудеяхъ предъ плѣненіемъ Вавилонскимъ); отгони ихъ отъ лица Моего, пусть они отойдутъ“ (Іер. 15. 1): Изъ этого свидѣтельство Св. Писанія ясно видно, что и заступающая собою сила вѣры и молитвы праведника вообще и іерархіи въ частности имѣеть свои предѣлы заступленія предъ Богомъ, и сіи предѣлы, безъ сомнѣнія, суть духовное истощеніе и нравственное растлѣніе самихъ людей предъ Богомъ, не достойныхъ ни Божественнаго помилованія, ни къ Божественному освященію приуготовленныхъ и какъ бы годныхъ. „Молитва моя въ пѣдро мое возвращалась“, говоритъ о себѣ Прор.

Давидъ (Ис. 34. 13), т. е. почивала и благодатно раскрывалась въ немъ самомъ молящемся: такъ и всякое предстательство и заступленіе вѣрою и молитвою въ лицѣ однихъ—другихъ предъ Богомъ, при отсутствіи приемлимости и нравственно-духовномъ истощеніи, возвышаютъ только духовно-нравственную красоту самаго предстателя, не перенося при этомъ плодъ своего предстательства и заступленія на другихъ, погубительно для себя существующихъ: «даръ Божій» нельзя «получить за деньги», сказалъ Апост. Петръ Симоу волхву; вѣтъ человѣку ни части, ни жребія въ семь дарѣ, коего «сердце не право предъ Богомъ» (Дѣян. 8. 20—21). Для полученія сего Божественнаго дара человѣкъ необходимо долженъ находиться по крайней мѣрѣ «въ начаткахъ пути Господня и горя духомъ», наставляемый и вразумляемый отъ другаго, готовъ былъ бы воспріять и весь «путь Господень» (Дѣян. 18. 24. 25. 26). Въ противномъ случаѣ приступленіе человѣка къ тайнодѣйствіямъ Церкви, совершаемымъ рукою посредника, т. е. предстательства предъ Богомъ іерархическаго лица, не только не будетъ оправдывающимъ и освящающимъ человѣка отъ Бога священнымъ дѣйствіемъ; но, будучи таковымъ само въ себѣ и по себѣ, сіе свящ. дѣйствіе, ко всемъ другимъ грѣхамъ и заблужденіямъ человѣка, приложитъ еще грѣхъ наглого кощунства, преднамѣреннаго поруганія святости, и будетъ поэтому не въ оправданіе, а въ судъ и въ осужденіе человѣка, какъ даетъ объ этомъ разумѣть Ап. Павелъ: «ибо, говорить онъ въ частности о таинствѣ Евхаристіи, кто ѣсть и пьетъ недостойно, тотъ ѣсть и пьетъ осужденіе себѣ» (1 Кор. 11. 29). Въ объясненіе, впрочемъ, могущаго возникнуть у каждаго изъ насъ вопроса о собственномъ личномъ—достойномъ, или недостойномъ воспріятіи св. таинствъ Церкви, должно прежде всего сказать, что, по слову Св. Писанія, мы всегда рабы включимы предъ Богомъ т. е. «ничего вестоющіе» (Лук. 17. 10), всегда болѣе недостойныя, чѣмъ достойныя вышнихъ Божественныхъ дарованій, предоставленныхъ намъ отъ полноты Боже-

ственныхъ совершенствъ нашего Пастыреначальника и Спасителя міра—Исусд Христа, а потому блаженны мы, по слову Св. Писанія, нищіе духомъ, блаженны мы плачущіе и сокрушающіеся о своихъ грѣхахъ (Мат. 5. 3. 4), смиряющіе свой духъ предъ Богомъ и людьми (Лук. 9. 48), смотрящіе болѣе на свои несовершенства въ вѣрѣ и малоцѣнность праведности, чѣмъ на достоинства и совершенства; но тѣмъ не менѣе, при не угасшемъ въ нашей душѣ свѣтильникѣ вѣры, продолжающемъ горѣть тѣмъ или другимъ—большимъ или меньшимъ пламенемъ, при подобающемъ молитвенномъ настроеніи и благоговѣйномъ чувствѣ къ подателю всѣхъ даровъ—Богу, сомнѣнія въ томъ, чтобы тайнодѣйствія Церкви, совершаемыя для насъ и для нашего освященія свыше были тщетны, безъ почитія на насъ, яко бы недостойныхъ, благодати Божіей, должны быть отъ насъ совершенно далеки и намъ непричастны: эти сомнѣнія будутъ даже преступны, коль скоро къ нимъ закрадется, что всегда легко можетъ быть, недовѣріе къ милости и благодати Божіей, „всегда немощная врачующей и оскудѣвающая восполняющей“. А потому въ заключеніи скажемъ съ Апостоломъ Петромъ, писавшемъ въ своемъ посланіи всѣмъ Христіанамъ: „благодать и миръ вамъ да умножится въ познаніи Бога и Христа Исуса, Господа нашего. Какъ отъ Божественной силы Его даровано намъ все потребное для жизни и благочестія чрезъ познаніе Призавшаго насъ славою и благочестіемъ, которыми дарованы намъ великія и драгоценныя обѣтованія, дабы вы чрезъ нихъ содѣлались причастниками Божескаго естества“ (2. Пет. 1. 2. 4). Церковь же Божія на землѣ, въ совершеніи своихъ чиновослѣдовацій тайнодѣйствій и священнодѣйствій, навсегда пребудетъ Божественнымъ ковчегомъ, хранящимъ въ себѣ и подающимъ вѣрующему какъ средства, такъ и самыя Божественныя дарованія для сего причащенія «Божескаго естества».

Священ. І. Ивановъ.

Въ области вопросовъ изъ пастырской практики.

8) „Можно ли въ продолженіи всей литургіи вынимать частицы за живыхъ и умершихъ, какъ это дѣлается въ нѣкоторыхъ городскихъ и монастырскихъ церквахъ?“

Вынутіе частицъ за живыхъ и умершихъ, какъ дѣйствіе относящееся собственно къ проскомидіи, должно быть, строго говоря, совершаемо только во время проскомидіи—до начала литургіи. Посему священникъ долженъ наставлять своихъ прихожанъ, чтобы они подавали просфоры для вынутія частицъ только во время проскомидіи—до начала литургіи. Впрочемъ, проскомидія въ древне христіанской Церкви совершалась послѣ литургіи оглашенныхъ и предъ началомъ литургіи вѣрныхъ; согласно съ древне-христіанскою практикою и въ настоящее время архіерей, когда онъ служитъ литургію, совершаетъ проскомидійное дѣйствіе въ началѣ литургіи вѣрныхъ—вынимаетъ частицы за живыхъ и умершихъ предъ перенесеніемъ св. Даровъ съ жертвенника на престоль (См. чинъ литургіи въ Архіер. служебн.). Въ виду этого и священникъ можетъ вынимать частицы за живыхъ и умершихъ не только на проскомидіи, но и на литургіи до «великаго выхода»—до перенесенія св. Даровъ съ жертвенника на престоль, особенно когда онъ служитъ литургію съ діакономъ и когда слѣдовательно имѣетъ свободное время. Послѣ же „великаго выхода“—перенесенія св. Даровъ съ жертвенника на престоль, поминованіе вѣрующихъ съ вынутіемъ частицъ не можетъ быть допускаемо, какъ дѣйствіе не оправдываемое древне-христіанскою практикою и противное существующему Уставу въ Православной Церкви (Чинъ литург. Златоуст. и Василія Великаго молитву проскомидіи—приношенія по поставленіи божественныхъ Даровъ на престоль; срав. эту молитву съ молитвою предложенія въ концѣ чина проскомидіи). Посему нельзя одобрить существующаго въ нѣкоторыхъ городскихъ—соборныхъ и приходскихъ—церквахъ обычая вынимать частицы изъ просфоръ, подаваемыхъ послѣ „великаго выхода“ до пресуществленія св. Даровъ, а тѣмъ болѣе нельзя признать правильнымъ обычай, практикующійся въ нѣкоторыхъ монастырскихъ церквахъ вынимать частицы въ продолженіи всей литургіи—даже послѣ освященія Даровъ и частицы вынутыя къ концу литургіи собирать на отдѣльный дискосъ и хранить до литургіи слѣдующаго дня. Этому обычаю

совершенно несогласному съ древне-христіанскою практикою и съ существующимъ чиноу литургіи, могутъ слѣдовать и слѣдуютъ только тѣ изъ прихожанъ-богомольцевъ, которымъ приходскіе слященники никогда не указывали и не разъясняли приличное и установленное Церковію время на литургіи, когда могутъ быть подаваемы просфоры для вынутія изъ нихъ частицъ. Въ тѣхъ же приходсахъ, гдѣ священниками было указано и разъяснено прихожанамъ время приличное и установленное Церковію для вынутія частицъ изъ просфоръ, тамъ никогда и не случается, чтобы кто нибудь рѣшился подавать просфору для вынутія изъ нея частицъ уже послѣ „великаго выхода„ со св. Дарами. Мало того, прихожане приученные своимъ мѣстнымъ священникомъ къ порядку, зная приличное и установленное Церковію время для вынутія частицъ на литургіи, удивляются и соблазняются, когда приходятъ для богомолья въ другую церковь и видятъ, что тамъ отъ приходящихъ богомольцевъ принимаютъ просфоры во всякое время литургіи и вынимаютъ частицы въ продолженіи всей литургіи. Такимъ образомъ и выходитъ, что одними пастырями создается, то другими разрушается.

9) Какъ и когда надѣвать и снимать камилавки и скуфьи при богослуженіи?

Въ церковномъ Уставѣ нашемъ, въ особой статьѣ подъ наименованіемъ: „объ откровеніи главъ“ во время богослуженія, между прочимъ значится: «надобно знать, что на литургіи открываемъ свои главы: на входѣ и на слышаніи Евангелія, и на Херувимской пѣсни великаго входа и при произнесеніи словъ Христовыхъ: примите и ядите, и на Достойно есть, и на Огче нашъ, и при появленіи св. Тинъ въ концѣ обѣдни, и на входѣ на вечерни» (Уст. гл. XXIХ). Но какъ видно изъ того же Устава, это правило относится собственно къ монахамъ и притомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они не служатъ литургіи а только присутствуютъ на ней. Что же касается священниковъ, выходящихъ скуфьи и камилавки, то въ употребленіи ихъ при богослуженіи принято вообще наблюдать слѣдующій порядокъ.

А) На литургіи. Священникъ входитъ въ церковь въ скуфьѣ или камилавкѣ и, пришедши въ алтарь, снимаетъ ихъ на цѣлованіе престола. Затѣмъ, надѣвши снова, выходитъ предъ царскія врата для чтенія начщательныхъ молитвъ, и такъ стоитъ

съ покрытою головою до молитвы: «Пречистому Твоему Образу и т. д., когда нужно снять скуфью или камлавку на цѣлованіе иконъ Спасителя и Божіи Матери и для произнесенія молитвы: Господи, виспосли руку Твою. Послѣ сего лучше тоже не надѣвать скуфьи и камлавки до входа въ алтарь, чтобы снова не снимать ихъ на цѣлованіе св. престола, тѣмъ болѣе что тутъ же на пути принято прикладываться къ изображенію св. архистратига Михаила, или другаго святаго, что на южной пратвицѣ. Проскомидію одни изъ іереевъ совершаютъ, надѣвая скуфьи и камлавки, а другіе съ непокрытою головою. Последнее вѣрше, такъ какъ вся проскомидія глубоко молитвеннаго характера. А главное, стоя у жертвенника, священникъ не имѣетъ надобности въ особомъ представительствѣ, которое въ сущности и выражается нашими скуфьями и камлавками, такъ какъ здѣсь его никто особенно не видитъ, отчего между прочимъ и сами архіереи, совершая поминованіе живыхъ и усопшихъ и покрывая св. дары на Херувимской пѣсни, по чину проскомидіи, тоже стоятъ «безъ шапки», т. е. безъ митры. Тѣмъ болѣе такъ подобаетъ дѣлать іереямъ, если скуфьи ваши и камлавки хотя и суть подобіе митры, но въ низшей степени. По совершеніи проскомидіи скуфьи и камлавки надѣваются предъ началомъ литургіи, и въ такомъ видѣ священники должны стоять до Евангелія, совершая и малый входъ тоже съ покрытою головою, по примѣру архимандритовъ, совершающихъ этотъ входъ въ митрахъ. Въ такомъ же видѣ, т. т. съ покрытою головою совершается малый входъ іереями, когда они служатъ съ архіереемъ, а потому обычай нѣкоторыхъ священниковъ совершать означенный входъ, снявши скуфью или камлавку, не имѣетъ основанія. На Евангеліи скуфьи и камлавки снимаются, — а потомъ опять надѣваются, и такимъ образомъ священники стоятъ до начала пѣнія Херувимской пѣсни. Предъ чтеніемъ молитвы: «Никто же достоинъ отъ связавшихся, плотскими похотьми»... скуфьи и камлавки снимаются, и уже не надѣваются во все дальнѣйшее продолженіе литургіи до возгласа: «всегда нынѣ и присно... въ концѣ литургіи, при последнемъ явленіи св. даровъ народу. Поставивши св. дары на престолѣ, священникъ опять надѣваетъ скуфью или камлавку, и въ этомъ видѣ стоитъ до конца литургіи.

Б) На литургіи преждеосвященныхъ даровъ. Священники снимаютъ скуфьи и камлавки на цѣлованіе св. иконъ по времѣ

пѣнія: „Во царствїи Твоемъ“... и т. д. какъ и предъ началомъ обыкновенной литургїи. Потомъ надѣваются ихъ и стоятъ съ открытою головою до „Господи воззвахъ“, или до перенесенїя св. даровъ съ престола на жертвенникъ Окадиши здѣсь. т. е. у жертвенника, св. дары, по обычаю, слѣдуетъ опять покрыть голову, и въ такомъ видѣ паходяться до пѣнія: Да исправится. На Да перправтєя скуфыи и камплавки опять должны быть снятамы въ выраженїе покаяннаго чувства, которое остальные молящіеся въ то же время выражаютъ болѣе уселненнымъ образомъ, стоя на колѣняхъ. Начиная съ сугубой ектенїи, скуфыи и камплавки могутъ быть надѣваемы до „Пынѣ силы небеспнл“. Затѣмъ, снявши ихъ, не полагаются надѣвать, до „Всегда пынѣ и прїсно“ и т. д., какъ и на обыкновенной литургїи.

В) Что касается прочихъ службъ церковныхъ, то у насъ не принято столтъ съ покрытою головою на печерни и утрени во время чтенїа такъ называемыхъ свѣтильничныхъ и утреннихъ молитвъ, при чтенїи акаистовъ, а затѣмъ на всѣхъ службахъ при чтенїи Евангелїа, молитвъ на молебнахъ и т. д.

Нечего и говорить, разумеется, что если наши скуфыи и камплавки суть извѣстнаго рода подобїе митры, какъ сказали мы выше, и какъ дѣйствительно это само собою слѣдуетъ по существу, то, судя по тому, что митры не только архїерейскїе, но и архимандричьи всегда ставятся на престолѣ, не будетъ грѣха, если и священникъ сдѣлаетъ то же съ своею скуфьею или камплавкою. Но рождается вопросъ: зачѣмъ собственно дѣлать это, когда и безъ того много мѣста найдется для нихъ въ другихъ мѣстахъ алтаря? Къ тому же надо принять во вниманїе то, что, будучи подобїемъ митры вообще, наши скуфыи и камплавки имѣютъ то коренное отличїе отъ нея, что послѣднїа носятя наипи не только въ церкви, но и внѣ ея, между тѣмъ какъ митра употребляется только въ церкви при богослуженїи и потому во всей полнотѣ имѣетъ характеръ церковнаго облаченїа или одежды въ собственномъ смыслѣ этого слова, характеръ, дающїи ей такое же полное право равно быть на головѣ и ставиться на престолѣ. Потому священникамъ, имѣющимъ скуфыи и камплавки, вмѣсто того чтобы спрашивать, можно ли ихъ ставить или полагать на престолѣ, лучше бы позаботился о томъ, чтобы побольше оказывать уваженїа къ нимъ, да не ходить, надѣвши ту или другую, безъ нужды по базарамъ и даже по улицѣ, и пр. и пр. А то, согласитесь, въ одной и той же „шапкѣ“ исправлять

обыденныя дѣла, и потомъ служить въ церкви, не приходится. Тѣмъ болѣе, куда жъ тутъ еще разсуждать о положеніи ея на престолѣ?

Пр. А. Х.

(Рук. для сельск. Паст.)

„Изъ области необъяснимаго или необъясненнаго“.

Много въ нашей жизни встрѣчается чудеснаго, много такихъ фактовъ, предъ которыми бессильно склоняется человѣческій умъ послѣ тщетныхъ усилій понять и объяснить ихъ. Вотъ нѣсколько подобныхъ фактовъ. Остановимся прежде всего на столь дорогой для насъ личности царя-мученика Александра II. Въ жизни этого Императора не разъ совершались странныя предзнаменованія ужасной Его кончины. Наиболѣе замѣчательное предзнаменованіе имѣло мѣсто въ известной Сергіевской пустынѣ близъ С.-Петербурга.

Въ покояхъ настоятеля этой пустыни находится портретъ покойнаго Императора, писанный съ натуры профессоромъ Лавровымъ. Кромѣ прекраснаго художественнаго исполненія портретъ обращаетъ на себя вниманіе одною особенностью, холстъ портрета составной; другой кусокъ приставленъ ниже колѣнъ, и вотъ по какому знаменательному случаю.

За 14 лѣтъ до мученической кончины Александра II въ Сергіевской пустыни одинъ послушникъ сошелъ съ ума и былъ отправленъ въ домъ умалишенныхъ. Онъ скоро оправился и воротился въ пустынь, но не на долго: чрезъ нѣсколько времени онъ снова обнаружилъ признаки не нормальнаго состоянія ума и былъ отвезенъ въ тотъ же домъ для излеченія. Но и на этотъ разъ онъ скоро оправился и по ходатайству смотрителя дома умалишенныхъ снова былъ припятъ въ пустынь. Архимандритъ Игнатій принялъ его очень неохотно и уступилъ только просьбамъ смотрителя, который далъ о немъ хорошей отзывъ. Дѣйствительно послушникъ сталъ вести себя хорошо, усердно исполняя свои обязанности и только замѣтно избѣгалъ монастырскаго общества. Но вотъ однажды утромъ во время заутрени этотъ послушникъ прошелъ въ хлѣбопекарню, схватилъ кочергу раскалилъ ее до красна въ печи и съ какою то необыкно-

венною рѣшимостью прибѣжаль въ покой архимандрита къ портрету Императора. Онъ бросился къ этому портрету и раскаленною кочергою выжегъ ноги Императора до колѣнъ. Потомъ онъ выбѣжалъ на монастырскій дворъ, кричалъ и неистовствовалъ, повторяя однѣ и тѣже слова, что теперь съ нимъ могутъ дѣлать все, что угодно. Съ этой минуты послушникъ этотъ окончательно сошелъ съ ума и болѣе уже не приходилъ въ нормальное состояніе. Замѣчательно, что этотъ сумасшедшій выжегъ на портретѣ ноги Императора почти такъ же, какъ спустя 14 лѣтъ они были оторваны и разбиты взрывомъ динамитной бомбы въ роковое 1-е марта.— Профессоръ Лавровъ снова нарисовалъ ноги на портретѣ, приставивъ новый холстъ, и эта то приставка на долго останется памятникомъ и свидѣтельствомъ этого знаменательнаго случая.

По словамъ газеты «Свѣтъ» многіе почтенные люди, служившіе въ былое время при Московскомъ градоначальникѣ графѣ Закревскомъ, живущіе въ настоящее время въ Петербургѣ, могутъ засвидѣтельствовать такой замѣчательный фактъ. Когда Александръ II родился въ Москвѣ въ 1818 году, Императрица Александра Осодоровна приказала спросить славявпагося тогда въ Москвѣ юродиваго Осодора о томъ, что ожидаетъ поворожденнаго? Осодоръ отвѣчалъ: «будетъ могучъ, славеиъ и силеиъ, будетъ однимъ изъ величайшихъ государей міра, но всетаки (произнесъ онъ съ ужасомъ) умретъ въ красныхъ сапогахъ». Это выраженіе въ то время подало поводъ къ разнымъ остроумамъ и шуткамъ. Трудно было предвидѣть, что оно относилось къ окровавленнымъ и раздробленнымъ ногамъ Царя-мученика.

При коронаціи Александра II съ колокольни Ивана Великаго упалъ колоколь и пробилъ при паденіи нѣсколько сводовъ. Многіе Москвичи увидали здѣсь дурное предзнаменованіе и нѣкоторые отиравились къ извѣстному въ то время юродивому Ивану Яковлевичу Корейникѣ спросить о значеніи этого факта. Юродивый, котораго большинство признавало помѣшаннымъ отвѣтилъ: «не скоро, но великое бѣдствіе для государя — взрывъ воздушныхъ стихій». Очевидно здѣсь прямой намекъ на взрывъ 1-го марта.

Поразительные случаи предсказанія страшной кончины Александра II были на двухъ спиритическихъ сеансахъ:

на одномъ за два года до нея было непзвѣтными спиритамъ знаками указано: что Александру II грозитъ опасность и что онъ будетъ убитъ взрывомъ динамита, на другомъ за три дня до катастрофы было такимъ же образомъ указано, что чрезъ 3 дня послѣдуетъ цареубійство. Всѣмъ этимъ случаямъ конечно придали значеніе только послѣ кончины Александра II, когда фактъ былъ уже на лицо во всей его ужасной ясности и несомнѣнности.

Было нѣсколько поразительныхъ предзнаменованій кончины и Николая I. На первой недѣлѣ великаго поста, въ годъ смерти этого Императора, въ Казанскомъ соборѣ вмѣсто «многая лѣта»—Ему пропѣли «вѣчная память». На выносѣ тѣла графа Протасова почетный караулъ отдалъ честь Императору вмѣсто того, чтобы отдать ее тѣлу покойнаго. «Что вы, что вы, я еще не покойникъ», замѣтилъ Николай войскамъ

(Моск. Церк. Вѣд. № 49.)

О значеніи храмовъ и обрядовъ въ дѣлѣ вѣры и жизни христіанской.—Изъ области необъяснимаго или необъясненнаго.—Въ области вопросовъ изъ пастырской практики.

Редакторъ, И. д. Ректора, Инспекторъ Семинаріи А. *Спасскій*.

Печ. довн. Цензоръ Магистръ Протоіерей П. Палицынъ. Февраля 15 дня 1887 года

ОТЪ РЕДАКЦІИ ВОРОНЕЖСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

1) Редакція Воронежскихъ Епарх. Вѣдомостей покорнѣйше проситъ всѣхъ своихъ подписчиковъ ускорить высылку денегъ за вѣдомости, которыя имѣютъ издаваться въ 1888 году, чтобы тѣмъ дать редакціи возможность заблаговременно приготовить печатные адреса и своевременно разослать первые номера изданія.

2) Лица и причты, выписывавшіе въ 1888 г. Епарх. Вѣдомости съ приложеніемъ, получаютъ въ началѣ 1888 г. въ видѣ особаго изданія «Справочную книгу по Воронежской епархіи», гдѣ будутъ помѣщены: а) Списокъ церквей и священниковъ Воронежской епархіи съ указаніемъ времени построенія каждой церкви, а также и того, каменная или деревянная, теплая или холодная церковь; б) Списокъ приходовъ съ показаніемъ селеній, входящихъ въ составъ прихода и числа душъ прихожанъ и съ какого года имѣются при церкви метрическія книги, в) Свѣдѣнія о количествѣ церковной земли, церковныхъ домовъ, точное обозначеніе почтоваго адреса и разстоянія церкви отъ г. Воронежа; д) Свѣдѣнія о священникахъ—кто гдѣ обучался, въ какомъ году рукоположенъ во священника, и какія имѣетъ награды, съ приложеніемъ въ концѣ общаго алфа-

витаго списка священниковъ. Сост. подъ редакціею А. Павлина.

Къ памятной книжкѣ будутъ приложены таблицы государствен. процентныхъ бумагъ, вышедшихъ въ тиражъ погашенія и не предъявленныхъ къ оплатѣ съ перваго года выпуска таковыхъ.

Все это изданіе составитъ не менѣе 20—25 печатныхъ листовъ.

Священнослужители и лица, не подписавшіеся на приложеніе 1887 г., но желающіе приобрѣсть таковое, высылаютъ въ редакцію сумму номинальной стоимости изданія 2 руб. сереб.

Подписная цѣна на Воронежскія Епарх. Вѣдомости остается прежняя и на будущій 1888 г. т. е.

безъ приложенія . . . 5 руб.
съ приложеніемъ . . . 6 »